

«Под грифом Института истории АН СССР»: смена научных ориентиров в условиях складывания антигитлеровской коалиции

Любовь Сидорова

«Under the stamp of the Institute of History, the USSR Academy of Sciences»: changing scientific guidelines in the light of formation of the anti-Hitler Coalition

Liubov Sidorova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016621-4

История и деятельность Института истории АН СССР неотделима от развития отечественной исторической науки. Научные труды, вышедшие из-под пера его сотрудников, пополняют знания о прошлом страны и отражают движение исторической мысли, документы и материалы о его деятельности раскрывают особенности институционального устройства исторической науки России. В центре внимания данной статьи — подготовленный Институтом юбилейный сборник «Двадцать пять лет исторической науки в СССР»¹. Его задачей являлось подведение итогов развития исторической науки в СССР в послеоктябрьский период. Однако судьба книги оказалась более чем скромной: она не вошла в число изданий, с которыми ассоциируются историографические вехи и которые обязательно упоминаются в последующих обобщающих работах. Тем не менее именно на её страницах отразился тот достаточно краткий, но вполне отчётливый и чрезвычайно важный момент появления в советской исторической науке тенденции к активизации контактов с наукой зарубежной, к восприятию советской историографии как части мировой.

Подписанный в печать 9 ноября 1942 г., когда в битве под Сталинградом решалась судьба страны, сборник нёс на себе отпечаток лишений военного времени. Он отпечатан на плохой газетной бумаге, картонная обложка обтянута тонкой серовато-голубой хлопчатобумажной тканью (однако с элементами тиснения!), а ошибок в инициалах, орфографии и проч. много больше тех пяти, что перечислены на вклейке. Всё это объяснимо — война (хотя и довоенные издания по истории не могли похвастаться особым качеством полиграфического исполнения!). Но главное удивление вызывает наличие двух титульных листов. На первом название дано на английском языке («Twenty five years of historical studies in the USSR»), на втором — на русском. Завершают книгу два оглавления, также на английском и на русском языках.

Такое неожиданное двуязычие в официальном научном издании СССР не могло быть простой случайностью. Чтобы понять, что в нём крылось и с ка-

© 2021 г. Л.А. Сидорова

¹ Двадцать пять лет исторической науки в СССР / Под ред. акад. В.П. Волгина, акад. Е.В. Тарле и чл.-корр. АН СССР А.М. Панкратовой. М.: Л., 1942.

ким прицелом делалось, надо вчитаться в статьи и обратиться к истории его подготовки.

Сборник был издан под редакцией академиков В.П. Волгина и Е.В. Тарле и члена-корреспондента АН СССР А.М. Панкратовой. Его открывает небольшое предисловие. Два раздела книги — «История СССР» и «Всеобщая история» — освещают основные направления деятельности советских историков. Среди материалов доминирует статья Панкратовой «Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях Великой Отечественной войны». Её главный посыл в том, что основным содержанием истории XX в. является классовая борьба: «Победа Великой Октябрьской революции открыла новую эру мировой истории, заполненную классовой борьбой небывалого размаха и напряжения»². В области исторической науки подчёркнута «активная работа советских учёных, направленная против устарелых традиций буржуазных историков, по разъяснению новых путей советской исторической науки»³.

Характеризуя первый этап развития исторической науки СССР (1917—1924), Панкратова отметила, что в тот период «почти на всех участках исторического фронта были ещё живучи идеалистические или вульгарно-материалистические взгляды на историю», а «руководство исторической наукой зачастую находилось в руках людей, далёких от марксизма». Это время описано ею как противостояние молодой формирующейся марксистской науки и науки буржуазной: «Старые буржуазные историки иногда в своих трудах и лекциях открыто наступали на марксизм и высказывались против пролетарской диктатуры. В форме исторических исследований они вели на идеологическом фронте такую же упорную борьбу с пролетарской революцией, какую вела вооружённая буржуазно-помещичья контрреволюция на фронтах гражданской войны».

Основную опасность, с которой столкнулась историческая наука на втором этапе своего развития (1924—1936), Панкратова видела в «установлении единого антимарксистского фронта» «между буржуазными историками Западной Европы и враждебными марксизму историками, работавшими в СССР». С таких позиций она оценила многочисленные дискуссии середины 1920-х гг., в том числе «о характере революции 1905 г., о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, о финансовом капитале в России, о двойственном характере Октябрьской революции, об историческом значении “Народной воли”, о феодализме и крепостничестве в России как особых общественных формациях и т.п. ... Под флагом исторических дискуссий на деле проводились троцкистские и бухаринские “идейки”, имевшие целью “исторически” показать невозможность победы социализма в нашей стране»⁴. Далее следовал вывод, что «борьба с идеологическими извращениями, за подлинный марксистско-ленинский путь развития исторической науки, определение основных путей её развития и её конкретных задач, консолидация кадров советских историков — характеризуют в основном новый этап в развитии советской исторической науки»⁵. Третий период отнесён к 1936—1937 гг. Его главное достижение — создание учебников по историческим дисциплинам и начало работы над обобщающими трудами по истории.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 13.

Историю советской исторической науки Панкратова характеризовала в привычных ей контексте и риторике классовых боёв. В условиях борьбы с нацизмом историческая наука решала задачу «идеологического вооружения советского народа», показывая «на основе закономерностей классовой борьбы, на основе изучения наших лучших исторических традиций, что “наше дело правое и что победа будет за нами”»⁶.

В ходе подготовки рассматриваемого издания именно раздел Панкратовой стал предметом особого обсуждения. Возникла полемика между нею и другим представителем авторского коллектива — историком-американистом А.В. Ефимовым. Для разрешения разногласий и отстаивания своей позиции Анна Михайловна сочла необходимым апеллировать к партийному руководству. 25 сентября 1942 г. она обратилась с письмом к начальнику управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову, члену ЦК Е. Ярославскому, наркому просвещения РСФСР В.П. Потёмкину и директору Института Маркса—Энгельса—Ленина М.Б. Митину⁷. В нём она изложила свой взгляд на развитие советской исторической науки, резко критикуя предложения оппонента. Это письмо идейно связано с письмами к секретарю ЦК А.А. Жданову и в ЦК ВКП(б)⁸, которые она написала в феврале—мае 1944 г., в преддверии созыва совещания историков в ЦК (май—июнь). В письме Жданову (февраль 1944 г.) Анна Михайловна назвала то своё сентябрьское письмо 1942 г. «особым», обильно его цитировала и полную копию приложила к данному обращению⁹.

Письма Панкратовой 1944 г. хорошо известны исследователям, изучающим упомянутое совещание историков, — бесспорно, этапное событие в советской исторической науке¹⁰. Однако письмо 1942 г. не менее интересно. Оно показало, что в среде историков уже присутствовали настроения преодоления изолированности от мировой науки. Они выражались в стремлении признать два явления: научный вклад дореволюционных отечественных историков и достижения зарубежной историографии.

В письме 1942 г. Панкратова безоговорочно оценила подобные идеи как возрождение буржуазной идеологии или примиренческое к ней отношение. Своим главным оппонентом она назвала заведующего кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ члена-корреспондента

⁶ Там же. С. 4—5.

⁷ Историк и время. 20—50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000. С. 222—223.

⁸ Историк и время... С. 223—236.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ См., например: *Бранденбергер Д.Л., Дубровский А.М.* Итоговый документ Совещания историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. (история создания текста) // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 148—163; *Сидорова Л.А.* Борьба мнений по проблеме патриотизма на Совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 г. // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX—XXI вв. Материалы международной научной конференции. 31 октября — 1 ноября 2008 г. Липецк, 2009. С. 269—275; *Тихонов В.В.* «Колесо истории работает в нашу пользу»: историк как пропагандист в годы Великой Отечественной войны // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3. С. 58—67; *Гришаев О.В.* Роль Совещания 1944 года в ЦК ВКП(б) в развитии советской историографии русской истории // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2013. № 1. С. 132—136; *Камынин В.Д.* А.М. Панкратова и Совещание историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. IX Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2015. С. 37—42; и др.

АН СССР А.В. Ефимова. В письме изложена суть спора, возникшего между ними 24 сентября 1942 г. в Институте истории.

Предметом разногласий стала «общеполитическая и методологическая часть» статьи Панкратовой. Ефимов, также принимавший участие в редактировании издания и написавший для него статью, посвящённую советским документальным публикациям по новой истории, выразил несогласие с тем, каким образом она представила процесс становления советской марксистской исторической науки. Из письма следует, что 24 сентября 1942 г. Ефимов передал Панкратовой текст её статьи со своей правкой, после чего возник острый спор. «Проф[ессор] Ефимов начал свои возражения с того, что мы ведём сейчас борьбу с Гитлером единым фронтом с буржуазными Англией и Америкой, что в нашей стране сейчас осуществлено морально-политическое единство, которое означает, по его мнению, включение в общий фронт борьбы и старой буржуазии и даже церковников. Поэтому он считает вредным ставить вопрос даже в научно-теоретической статье о том, что марксистско-ленинская историческая теория сложилась в борьбе против буржуазной идеологии и методологии»¹¹.

Не оспаривая важности согласованных действий стран антигитлеровской коалиции, Панкратова была убеждена, что они не меняли идеологического климата внутри страны, не снимали необходимости классовой бдительности. «Проф[ессор] Ефимов не понимает, что морально-политическое единство в нашей стране сложилось на основе ликвидации буржуазных классов и в неустанной борьбе с буржуазной идеологией». Таким образом, сотрудничество СССР с США и Великобританией не могло стать основанием для отказа от противопоставления марксистской и буржуазной исторической науки. Подход Ефимова она определила как «теоретическую путаницу», которая могла оказать негативное влияние на подготовку молодого поколения, тем более что оппонент являлся профессором МГУ. Панкратова считала «неправильным и опасным» воспитание студенчества «в духе примиренчества с буржуазной методологией, отказа от борьбы с нею и “реабилитации” старой буржуазной историографии с этих немарксистских позиций».

Конкретизируя высказанные Ефимовым суждения, Анна Михайловна отметила критику им её оценок вклада В.О. Ключевского и П.Н. Милокова. Он «решительно возражал против самого упоминания о том, что, например, Ключевский и Милоков не могли сформулировать общей концепции исторического процесса, заявив, что это означало бы, что мы отказываемся от “наследства” и что мы будем выглядеть в глазах Западной Европы и Америки как страна, не имевшая до Октября своей исторической науки». Эти доводы Панкратова не сочла вескими, а также назвала неубедительной его ссылку на реализацию выдвинутой партией и правительством «задачи пересмотра истории, которая сейчас ставится»¹². Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории и руководящие документы, связанные с проведением конкурса учебников по истории СССР, а также критика «антимарксистских и антинаучных взглядов “школы Покровского”»¹³ не могли стать основанием для пересмотра отношения к немарксистской историографии. Не являлся основанием забыть о борьбе с буржуазной идеологией даже и «антигитлеровский фронт с демократическими странами». В кон-

¹¹ Историк и время... С. 222—223.

¹² Там же. С. 223.

¹³ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 13.

це письма следовала просьба посмотреть её рукопись и сделанные Ефимовым «возражения и вычёркивания», которые Панкратова сочла «неправильными, особенно в статье, подводящей итог той упорной борьбе, которая велась на историческом фронте 25 лет под руководством Ленина и Сталина»¹⁴.

Из письма Панкратовой Жданову, в котором упоминалось о споре, явствовало, что замечания Ефимов делал не только в устной форме: была ещё и письменная рецензия. Анна Михайловна процитировала две ключевые фразы: «Сейчас для историков, как и для других граждан Советского Союза, главным фронтом является фронт борьбы против гитлеризма. Поэтому ставить в центре статьи историю внутреннего фронта — фронта классовой борьбы внутри нашей страны — нецелесообразно»; «В настоящее время мы не мечтаем о том, чтобы противопоставить нашу страну всему миру загнивающего капитализма. Сейчас основная линия размежевания проходит между странами, борющимися за независимость народов, и странами, целью борьбы которых является порабощение». Далее она рассказала, что отзыв Ефимова показала Александрову, однако «никакого определённого указания не получила». Из столкновения мнений в 1942 г. она вышла победителем, правда, по словам самой Панкратовой, «только вмешательство тов[арища] Ярославского, который согласился с моей статьёй, дало возможность сохранить... принципиальные установки»¹⁵.

Таким образом, предложения оказались отвергнуты, книга вышла с первоначальным вариантом установочной статьи. Путь исторической науки в СССР был представлен как непримиримая борьба за марксистское понимание истории. Однако очевидно, что понимание исторической науки как «фронта» отличало не всех историков, и что позиция Ефимова имела сторонников, в том числе и среди именитого авторского коллектива сборника. Суждения, высказанные в других статьях книги, указывали на готовность части историков внести коррективы в изложение развития советской исторической науки, опустив отдельные её страницы, которые в условиях положения на международной арене казались неподходящими.

В этом отношении примечательно «Предисловие», которое предшествует директивной статье Панкратовой. Сразу бросается в глаза, что взаимоотношения между властью и учёными «старой школы» описаны в нём исключительно как поддержка первой последних. «Советская власть, борясь за социализм, не только не отбросила все прежние достижения культуры и науки, но заботливо сохранила и использовала их, создав для развития науки и всех форм культуры в СССР особо благоприятные условия», — говорилось в первом же абзаце. Упор делался на усилия государства по сохранению научных и культурных кадров: «Повседневная забота о советской науке не прекращалась со стороны партии и правительства в СССР и после победы на фронтах гражданской войны. Эта помощь выражалась не только в создании для науки исключительных материальных условий, но и в непрерывном и систематическом идейно-политическом и организационном руководстве научной работой во всех её областях»¹⁶.

Бесспорно, усилия по улучшению быта учёных предпринимались и приносили плоды, о чём свидетельствуют и современные исследования¹⁷. Однако

¹⁴ Историк и время... С. 223.

¹⁵ Там же. С. 224.

¹⁶ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 1.

¹⁷ *Пушкарёва Н.Л.* Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских учёных в 1921—1953 гг. // *Российская история.* 2016. № 6. С. 69—82.

«за бортом» оставались сложные и нередко трагические страницы взаимоотношений между учёными «старой» и «новой» формации, неравноправное положение первых в профессиональном сообществе. Коллективный «символический статус» историков-марксистов легко побеждал в конкуренции за первенство с индивидуальными «статусами» историков «старой школы»¹⁸.

Идейная и организационная борьба молодых марксистов и их лидера М.Н. Покровского с «буржуазной» профессурой в «Предисловии» не упоминалась. О критике «школы Покровского» говорилось предельно кратко: «Особенно значительную помощь советской исторической науке оказали партия, правительство и лично товарищ Сталин. Благодаря их руководящим указаниям было ликвидировано вредное влияние так называемой “школы Покровского”, и советская историческая наука вышла на широкую творческую дорогу»¹⁹. Таким образом, «Предисловие» не ворошило трудных вопросов недавнего прошлого, нацеливая историков на совместную работу. Эта позиция более отвечала сложившейся в то время ситуации в стране и в мире, не говоря уже об интересах собственно науки, но имела как сторонников, так и противников, наиболее последовательным и решительным из которых выступала Панкратова.

Обращусь к другим статьям сборника и прослежу, как их авторы решали данные вопросы применительно к своим участкам «исторического фронта». Начну со статьи «Основные итоги изучения истории СССР за 25 лет», подготовленной директором Института истории АН СССР академиком Б.Д. Грековым. Она разительным образом отличается от статьи Панкратовой, несмотря на то что в ней отмечены те же вехи и факты советской исторической науки. Так, отмечено, что Октябрьская революция выдвинула ряд совершенно новых проблем и по-новому поставила многие старые, а «в основу работ советских историков легла марксистско-ленинская теория о развитии человеческого общества, обогащённая новым историческим опытом пролетарской революции и победоносного социалистического строительства». Не обойдены молчанием сложные вопросы деятельности профессионального сообщества историков 1920—1930-х гг.: болезненные межпоколенческие отношения, критика «школы М.Н. Покровского» и проч. Однако эти сюжеты изложены спокойным, академическим тоном, который отличал и всю статью в целом. Так, проблема сосуществования и взаимодействия «старой» и «красной» профессуры, особенно болезненная для представителей старшего поколения, описана лаконично и безлично — просто констатируется тот факт, что «не сразу историки СССР нашли правильный путь. Не все приступили к новой работе по-новому. Много ошибок было допущено. Много препятствий приходилось преодолевать». В такой же нейтральной манере выражено отношение к историографическому наследию «дворянских» и «буржуазных» историков. В его формулировке стоявшая перед учёными СССР задача «подвергнуть пересмотру литературное наследство, идеи и построения старых, дореволюционных историков»²⁰ не сводилась к отрицанию их вклада в науку.

Любопытно, что даже сама архитектоника статьи выявляет приоритеты, в соответствии с которыми Греков анализировал очерченный отрезок времени. Им выделены четыре главных направления научно-исследовательской работы,

¹⁸ Подробнее см.: *Сидорова Л.А.* «Эффект Матфея» в советской исторической науке 1920—1930-х гг. // *Российская история.* 2017. № 4. С. 84—102.

¹⁹ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 1.

²⁰ Там же. С. 78.

которые, в свою очередь, стали подразделами статьи: разыскания и публикация новых документов; работы источниковедческого характера; исследовательская работа (монографии); работы обобщающего характера. Нельзя не заметить, что на первом месте — исторические источники и всё, что с ними связано. Приоритет работы по поиску, публикации и изучению таковых — отличительная черта классической русской исторической науки. Такая точка зрения резко контрастировала с позицией Панкратовой, для которой на первом плане — освоение марксистской методологии.

Перечисляя научные учреждения, которые вели работу по выявлению и публикации источников, Греков допустил неточность, которую вряд ли можно отнести к разряду случайных: «Публикацией таких материалов и документов занимались: Историко-археографический институт, позднее превращенный в Институт истории АН СССР, Центрархив, Институт востоковедения АН СССР»²¹. Едва ли Борис Дмитриевич мог запомнить, что Институт истории образован в 1936 г. путём слияния Института истории Коммунистической академии с двумя академическими учреждениями — Историко-археографическим институтом и Институтом книги, документа и письма АН СССР, причём на первых порах доминировали во вновь созданном институте именно сотрудники первого, а возглавил новый институт бывший директор ИИ Комакадемии Н.М. Лукин.

Эта ошибка не покажется странной, если учесть некоторые обстоятельства. Во-первых, такая «забывчивость» давала возможность представить историю руководимого Грековым института более академичной, оставив в тени идеологически заострённую деятельность предшественника. Во-вторых, репрессии конца 1930-х гг. существенно изменили кадровый состав научного учреждения. Под их каток попали главным образом историки-марксисты, в том числе сам Лукин, что укрепило позиции «старой школы» и не могло не повлиять на атмосферу в институте в целом.

Греков исключительно благожелательно характеризовал научную деятельность историков, чьё профессиональное становление произошло до 1917 г.: М.М. Богословского, Р.Ю. Виппера, С.Б. Веселовского, Ю.В. Готье, А.И. Яковлева и др. Высочайшую оценку дал он крупнейшему знатоку русского летописания А.А. Шахматову («После смерти последнего (1920) его титаническая работа продолжала вдохновлять его учеников и вызвала много интересных соображений и у его оппонентов») и подчеркнул наличие сложившейся вокруг него научной школы («В числе сторонников и учеников Шахматова имеются крупные имена — А.Е. Пресняков и М.Д. Присёлков. Второе поколение специалистов в этой области представлено Н.Ф. Лавровым, умершим в 1942 г., А.Н. Насоновым и М.Н. Тихомировым, продолжающими свою работу и в настоящее время»²²). Говоря на примере Шахматова и его учеников разных поколений о преемственности исторических исследований, Греков писал и о «радикальном пересмотре старого научного наследства». Он указал на появление новых трактовок вопросов происхождения древнерусского государства, характера общественных отношений в докиевской и Киевской Руси, русского крестьянства, а также остановился на выполненных за два последних десятилетия работах о народных движениях (восстания смердов, И. Болотникова, С. Разина, Е. Пугачёва), декабристах, «Народной воле», по истории рабочего

²¹ Там же. С. 79.

²² Там же. С. 81.

класса и др.²³ Отмечая появление новых исследовательских подходов, Греков, тем не менее, не допускал нигилистического отношения к предшествовавшему научному опыту.

Такую оценку пройденного советской исторической наукой пути разделял И.И. Смирнов — автор раздела сборника, посвящённого проблемам крепостничества и феодализма, ученик Грекова, работавший в Ленинградском отделении Института истории. Он прямо указал на преемственность досоветской и советской историографии обозначенных вопросов, отметив, что «начиная с 50-х годов XIX века и вплоть до Великой Октябрьской революции проблема происхождения и развития крепостного права в России привлекала внимание большинства крупнейших историков XIX—XX вв.». Назвав имена учёных, в сочинениях которых разрабатывались эти сюжеты (Б.Н. Чичерина, М.П. Погодина, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, М.А. Дьяконова, Н.П. Павлова-Сильванского и др.), он заявил, что «предреволюционная историческая наука немало поработала над разрешением этой центральной проблемы из истории феодально-крепостнической России». Формулировка поражает определённой и использованием превосходных степеней. Для Смирнова «бесспорны крупные достижения дворянско-буржуазной историографии XIX—XX вв. в области изучения истории крепостного права в России». В качестве наиболее яркого примера таковых он назвал работы Дьяконова — «образцовые по тщательности анализа источников, полноте их охвата, по свежести и новизне документального материала, положенного в основу исследования»²⁴.

Смирнов не отказал дооктябрьской историографии и в том, что она «имела в своём активе и ряд теоретических построений по истории крепостного права в России». Более того, концепцию Ключевского он назвал «блестящей», «поражающей своей логической стройностью и смелостью постановки вопроса»²⁵. Это звучало диссонансом с оценкой творчества Ключевского Панкратовой. Не оспаривая блестящий талант и эрудицию историка, она придерживалась мнения, что тот «не преодолел противоречий буржуазного экономизма и юридической схемы и оставил без разрешения задачу создания единой концепции»²⁶. Конечно, не стоит преувеличивать степень бескомпромиссности Смирнова. Сразу же за высокой оценкой их научного вклада он счёл необходимым прибавить: «И тем не менее бесспорно то, что к революции 1917 г. дворянско-буржуазная историография крепостного права пришла в состоянии глубокого кризиса»²⁷. Но такие «прибавки» не перечёркивали значения предыдущих высказываний.

В сборнике превалировало позитивное отношение к досоветской исторической науке, а некоторые речевые обороты просто поражают. Например, в статье В.И. Пичеты «История Украины в советской историографии» публикаторская деятельность Академии наук СССР рассматривалась как «продолжение лучших традиций буржуазной историографии»²⁸. Аналогичная ситуация наблюдалась в статьях, посвящённых изучению проблем всеобщей истории. В них, помимо констатации преемственности с дореволюционной историо-

²³ Там же. С. 84.

²⁴ Там же. С. 91.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 8.

²⁷ Там же. С. 91.

²⁸ Там же. С. 167.

графией, проводилась мысль о её включённости в мировую историческую науку. Приступая к анализу итогов изучения истории древнего мира за 25 лет, египтолог М.А. Коростовцев, в 1943 г. ставший учёным секретарём Института истории АН СССР, отметил, что «советская историческая наука не появилась внезапно на голом месте: её возникновение и развитие связано теснейшим образом с лучшими достижениями мировой и, в частности, русской дореволюционной науки». Более того, она «заслуженно может гордиться именами таких первоклассных специалистов», как В.С. Голенищев, Б.А. Тураев, М.С. Куторга, В.Г. Васильевский, Б.В. Фармаковский и др., «обогативших мировую науку ценными исследованиями, изданиями памятников и результатов раскопок»²⁹. Обращает на себя внимание и заключительная фраза статьи. Перечислив достижения советских историков древности, Коростовцев заявил: «Наши учёные полностью разделяют чувства и взгляды английских историков, высказанные в ведущем английском журнале³⁰, о необходимости в тяжёлых условиях военного времени усилить научную деятельность и остаться победителями на фронте науки и культуры»³¹. И само утверждение, а ещё более место его расположения в статье свидетельствуют, что идея общего научного фронта являлась весьма актуальной и востребованной.

Впрочем, подводящий итог развития советской археологии С.В. Киселёв обошёлся без упоминания дореволюционных археологов: «Археологическое изучение древней Руси в царской России ограничивалось по преимуществу раскопками древнеславянских курганов. Исследовательские работы в древнерусских городах почти не производились. Вопросы происхождения восточного славянства и его ранней культуры решались обычно без привлечения археологического материала»³². Единственное исключение было сделано для М.И. Ростовцева. Рассказывая о раскопках Б.Н. Граковым курганов V в. до н.э. у посёлка Блюменфельд близ Саратова, Киселёв указал, что они «значительно дополнили материал по савроматам, собранный при исследованиях в селе Покровском близ Оренбурга ещё М.И. Ростовцевым»³³. Этому способствовал, вероятно, громадный научный авторитет последнего, который даже в эмиграции был им не только не утерян, а приумножен³⁴.

Итоги изучения Средних веков суммировал член-корреспондент АН СССР Е.А. Косминский. Как и большинство коллег, он подчеркнул преемственность советской и дореволюционной школы историков, указав, что «изучение истории средних веков в СССР опирается на долгую и славную традицию». Раскрывая тезис, он писал: «Начиная с незабвенного Т.Н. Грановского, прочитавшего свой первый курс по истории Средневековья в Московском университете более ста лет назад (1839/40 г.), русская медиевистика насчитывает ряд крупных имён». Назвав П.Н. Кудрявцева, С.В. Ешевского, В.И. Герье, В.Г. Васильевского, П.Г. Виноградова, М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого, он присовокупил, что «такие имена могли бы служить украшением списка деятелей любой

²⁹ Там же. С. 189—190.

³⁰ Journal of Egyptian Archeology. 1941. XXVII. P. 162.

³¹ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 208.

³² Там же. С. 50.

³³ Там же. С. 46.

³⁴ «Именно эмиграция сделала Ростовцева из “живого классика” российского антиковедения (из числа тех, кого почему-то быстро забывают после смерти) настоящим и неоспоримым классиком мировой науки» (Крих С.Б. М.И. Ростовцев: быть в образе и быть образом // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. С. 146—162).

научной дисциплины». Далее он отметил, что «ряд крупных учёных, составивших себе имя ещё в дореволюционной России, продолжал свою работу в советских вузах и институтах». Среди них — Д.М. Петрушевский, Р.Ю. Виппер, А.Н. Савин, Н.И. Кареев, И.М. Гревс и др.: «Эти выдающиеся представители русской науки, тесно связанные с прогрессивной научной мыслью Европы, ещё до революции создали широкий круг учеников».

Косминский представил практически идиллическую обстановку, в которой протекала деятельность советских медиевистов: «Научно-исследовательскую работу в области изучения истории средних веков вели рука об руку представители старшего поколения историков, составившие себе имя ещё до революции, их непосредственные ученики, начавшие работу до революции, но развернувшие её в полной мере уже после Октября, и, наконец, молодое поколение историков, воспитанное уже в советских вузах и институтах». Эта гармония соответствовала предложенным Ефимовым поправкам к статье Панкратовой, но мало соотносилась с реальным положением дел. В этом отношении изложение Анны Михайловны, в котором борьба мнений не следовала академическому канону, оказалось ближе к действительности.

По Косминскому, у советских историков-медиевистов всех поколений, которые, по меньшей мере, «мирно сосуществовали», основным противником оказывался известный австрийский учёный А. Допш, против концепции которого они выступали «единым фронтом». Свою роль в таком акцентировании внимания именно на нём сыграло, вероятно, поглощение Австрии нацистской Германией: «Предметом живейших обсуждений были проблемы раннего Средневековья, особенно в связи с теми враждебными марксизму установками, которые были даны в известной книге А. Допша “Хозяйственные и социальные основы культурного развития Европы” (1920—1923)»³⁵. В 1928 г. советская делегация впервые участвовала в работе VI международного конгресса исторических наук, проходившего в Осло. Возглавлявшего её Покровского крайне возмутил доклад Допша, посвящённый натуральному и денежному хозяйству в Средние века. Открывая 28 декабря 1928 г. I всесоюзную конференцию историков-марксистов, он заявил, что ему совершенно ясно: «Если бы Допша пропустить хотя бы через рабфаковское обществоведение, он бы много, пожалуй, выиграл и стал бы теоретически много грамотнее»³⁶.

Это мнение лидера историков-марксистов не разделяли многие ведущие историки-медиевисты «старой школы». В яркой сатирической манере ситуацию представил Н.И. Кареев в незавершённом стихотворении, озаглавленном «Как?». Оно прекрасно иллюстрирует негодование историка-марксиста присутствием идей Допша в работах советских историков: «Как?! Допша нам к себе пустить / Хоть и не жить, а только погостить? / Да разве это допустимо? / Пусть Допш проваливает мимо. / Конечно, в исторической науке / У Допша есть большой багаж. / И можем мы его читать без скуки, / Но облик-то его совсем не наш. / Он не купается лишь в нашей речке, / Да и танцует не от нашей печки»³⁷. Это стихотворение удивительным образом согласуется с оцен-

³⁵ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 209—211.

³⁶ Покровский М.Н. Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов // Труды первой всесоюзной конференции историков-марксистов. 28/XII—1928 — 4/I—1929. Т. 1. Изд. 2. М., 1930. С. 11.

³⁷ Вторая муза историка: неизученные страницы русской культуры XX столетия / Сост., коммент. А.А. Сванидзе. М., 2003. С. 23.

кой, данной Косминским творчеству академика Д.М. Петрушевского. Не все взгляды маститого учёного приемлемы для марксистов, это «особенно относится к вышедшей в 1927 г. его книге “Очерки из экономической истории средневековой Европы”, где сильно сказывается влияние концепций Допша». Далее следовала оговорка, что это не мешало трудам Петрушевского «оставаться подлинной сокровищницей знаний для советской учащейся молодёжи благодаря их богатству строго проверенным и самостоятельно разработанным историческим материалом»³⁸, которая, тем не менее, не могла затушевать напряжённых отношений между поколениями.

Конечно, изменения, связанные с критикой «школы Покровского» и перенесением центра тяжести на изучение и преподавание гражданской истории, несколько сняли остроту противостояния между «старой» и «новой» исторической наукой. По всей вероятности, такие внутринаучные обстоятельства, помноженные на особенности внешнеполитической ситуации, обусловили стремление Косминского не заострять внимание на недавнем прошлом, сосредоточившись на примерах сотрудничества, а не конфронтации медиевистов.

Необычайно интересна концовка его статьи: «Советская медиевистика поддерживает связь с демократическими странами, ведущими совместно с Советским Союзом борьбу с гитлеризмом. Русская медиевистика давно связана с Англией тесными узами научного содружества. Уже Янжул, Ковалевский разрабатывали ряд проблем истории средневековой Англии. П.Г. Виноградов считается в Англии крупнейшим авторитетом по социальной и юридической истории английского средневековья. Имена Савина и Петрушевского хорошо известны английским учёным. Их ученики Е.А. Косминский, В.М. Лавровский, И.С. Звевич продолжали их работу... работали в английских архивах, состоят членами английских учёных обществ, печатали свои статьи в английских научных журналах. Английская тематика играет крупную роль в занятиях советских медиевистов. Аспирантура и студенческая молодёжь охотно выбирают темами своих работ вопросы английской средневековой истории»³⁹.

Первая же строка обнаружила, что стимулом к активизации международных научных контактов послужило именно складывание антигитлеровской коалиции. Оно оказало влияние на советскую историческую науку и характер её самоопределения в стране и в мире. Наметившийся поворот к сотрудничеству с англо-американскими научными кругами, безусловно, отвечал интересам советских историков, вне зависимости от побудительных мотивов, которые могли быть данью идеологической конъюнктуре или исходить из потребностей развития науки (а скорее, как чаще всего бывает, являлись сложным сплетением того и другого). Так, например, в разделе, посвящённом изучению новой истории, академик Е.В. Тарле, всегда чутко реагирующий на изменения общественных настроений, в превосходных степенях характеризовал вышедшее в 1940 г. исследование В.М. Лавровского «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII и начала XIX в.» и выразил пожелание, чтобы книга поскорее вошла в международный научный оборот⁴⁰.

Сотрудничество советской и зарубежной историографий Тарле вообще рассматривал как равноправное. Монография М.М. Малкина «Гражданская война в США и царская Россия» (1939), по его мнению, заслуживала перевода на

³⁸ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. С. 212.

³⁹ Там же. С. 215.

⁴⁰ Там же. С. 242.

английский язык как способная дать американским историкам немало новых и интересных фактов. Он же указывал на актуальность результатов, полученных советскими историками. В частности, представляя двухтомный обзор А.М. Зайончковского «Мировая война 1914—1918 гг.», отметил, что он «вполне научно, спокойно, объективно показывает воочию, что за всю Первую мировую войну ни единого раза (т.е. буквально никогда) не случилось так, чтобы западный фронт антигитлеровской коалиции активизировался с целью разгрузить, облегчить фронт восточный. Мало того: бывало так, что в Германии на точном основании официальных французских заявлений знали, что на такой-то ближайший период времени немецкой армии не грозит с французской стороны ни малейшей опасности». Этот труд «наводит на целый ряд в высшей степени важных для историка и политика соображений»⁴¹.

Таким образом, основная направленность большинства статей юбилейного сборника — подчеркнутая преемственность советской и русской классической историографии, а также акцент на международных контактах советских и англо-американских историков. Это убеждает, что двуязычие издания — не случайность, и указывает на намерение если не сблизить советскую историческую науку с европейской и американской, то хотя бы сделать более доступным для зарубежных историков круг проблем, которые в ней рассматривались.

Примечательно, что под одной обложкой оказались статьи, по-разному представлявшие пройденный советской исторической наукой четвертьвековой путь. Бескомпромиссная борьба за марксистское понимание истории и противопоставление любой буржуазной науке во вступительном очерке соседствовали с картинами преемственности историков разных поколений, преодолевших временные трудности и нацеленных на вхождение в мировую историческую науку. Но такой разброс мнений не являлся отражением плюрализма. Стремление к «перестроению» на «фронте советской исторической науки» вызывало болезненную реакцию, подтверждение этому — инициированное Панкратовой Совещание историков в ЦК ВКП(б) весной—летом 1944 г. Изданная же Институтом истории АН СССР книга отразила неоднозначную реакцию в сообществе советских историков на возможную смену научных ориентиров, которая немало зависела от внешнеполитического фактора — успешности сотрудничества СССР со странами антигитлеровской коалиции.

⁴¹ Там же. С. 244—246.